

«ПУТЕШЕСТВИЕ БЕЗ КАРТЫ»

АФРИКА 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ГРЭМА ГРИНА

Ключевые слова: Грэм Грин в Африке, тревелог, цивилизация

Ю.А. ПУТИЛИНА

Судьбоносные события первой трети XX в. - мировая война, волна революций, бунтов и военных переворотов - пробудили небывалый интерес европейцев к жизни в странах Азии, Африки, Латинской Америки. Проблема колонизации стала особенно острой в публицистике в середине минувшего века, хотя еще в конце 1930-х гг. привлекала внимание многих авторов, в том числе выдающегося английского писателя Грэма Грина (1904-1991). Его творчество - романы, рассказы, художественная публицистика - поднимали злободневные политические вопросы своего времени. Перу Г.Грина принадлежит несколько тревелогов (и ныне весьма популярного жанра путевых заметок, путевых дневников), посвященных вопросам колонизации и обстановки в ряде стран Африки и Латинской Америки. Писатель тогда не мог и предположить, что до крушения колониальной системы оставались считанные годы, но, может быть, и его творчество, его четкая позиция в отношении этого явления внесли свой вклад в неизбежность последующих событий.

С завидным постоянством Г.Грин возвращался в Африку: во время первой поездки в 1934-1935 гг. он посетил Сьерра-Леоне и Либерию, в 1942 г. побывал в Нигерии и Сьерра-Леоне, в 1959 г. - в Бельгийском Конго и, наконец, в 1967 г. - снова в Сьерра-Леоне. В чем причина интереса писателя к путешествию как таковому: в стремлении собрать экзотический материал для публикации, желании отдохнуть от повседневности или в чем-то еще?

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ТАКОВОЕ

В 1931 г. в Либерии произошло событие, вызвавшее международный резонанс: племя *кру* опротестовало действия руководителей территории, и дорого за это поплатилось. Была сожжена 41 деревня, в огне погибли люди. Вооруженными силами правитель-

Грэм Грин

ства руководил Элвуд Дэвис, чернокожий иммигрант из Америки,

вернувшийся на историческую родину после Первой мировой войны. Он быстро завоевал авторитет непреклонного и дисциплинированного воина, к тому же с местными корнями, и стал одним из полковников Либерийской пограничной службы. Ходили слухи, что отдавая приказ подавить бунт *кру*, полковник Дэвис велел убивать женщин и детей, чтобы в итоге уничтожить все племя.

О произошедшем узнали в Лиге Наций, а о продолжавшейся продаже либерийцев в рабство было сообщено Антирабовладельческому Лондонскому обществу. Двое влиятельных деятелей этого общества выразили уверенность, что Либерии необходимо новое руководство, состоящее из «сильных белых людей с высокими устремлениями». Вскоре нашелся доброволец - английский писатель Грэм Грин. Он должен был отправиться в страну для

сбора материалов, под предлогом найти вдохновение для нового романа. Вместе с тем, Грину необходимо было побывать в Сьерра-Леоне, чтобы установить, с чего следует начинать труд передачи власти «в правильные руки».

Известно, что впоследствии Г.Грин сотрудничал с британской SIS (Secret Intelligence Service) и по ее заданию не раз посещал африканские страны. Биограф Г.Грина американский журналист и литературовед М.Шелден в биографическом исследовании «Грэм Грин: враг внутри» пишет, что, возможно, поездка писателя была оплачена, но в целом он воспринял ее как новое приключение и реальную возможность собрать материал для новой книги¹.

Писатель стремился туда, где можно было почувствовать настоящую Африку. Либерия была именно таким местом, где европейцы оставили меньше всего следов. В самом начале травелога «Путешествие без карты» (1936) Г.Грин говорит о «смутной надежд[е] найти то, чему есть тысяча названий, - копи царя Соломона*, «душа черного народа», а может, и свое место во времени, обусловленное знанием не только сегодняшнего дня человечества, но и его прошлого, откуда мы все пришли» (с. 172)². Именно с этими поисками автор связывает потребность человека в творчестве в целом.

Создавая произведение, творец познает самого себя. Если смотреть на процесс творчества под таким углом, становится понятным замечание Ф.Кункеля, известного исследователя творчества Г.Грина: «Путешествие без карты» - это нечто большее, чем просто поездка по глубинным районам Африки. На другом уровне это - странствие, обличительное и ужасающее, по глубинным районам души самого Г.Грина»³. Западная критика отмечает, что, отправляясь в Африку, писатель в первую очередь руководство-

* Имеется в виду приключенческий роман Генри Хаггарда «Копи царя Соломона» (1885).

Товарный склад на Уотер-стрит.

вался именно стремлением понять суть человеческой души. Однако из контекста произведения становится абсолютно понятным, что главная его задача в данном случае - заострить внимание общества на проблемах колониальной Африки. Более того, на основании исторических документов можно сделать любопытные выводы, несколько отличные от тех, которые преподносит читателям и журналистам сам Г.Грин и некоторые западные исследователи его творчества.

Итак, молодой писатель едет в неизведанную Африку не как праздный турист или автор, стремящийся потешить аудиторию экзотическим рассказом, но как уполномоченный британский наблюдатель, публицист, озабоченный судьбами цивилизации, и вместе с тем исследователь собственной личности (можно сказать, психоаналитик для самого себя). Его разум открыт всему новому. В одном из интервью он признается: «Я никогда не был британским империалистом. Пожалуй, мне повезло, что в Африке я побывал в молодости; оказавшись я там десятью годами позже, у меня, возможно, были бы свои непреклонные убеждения, и я бы искал тех впечатлений, которые уже как-то сложились у меня в голове»⁴.

В своей книге Г.Грин выступает не политиком или разведчиком, а публицистом, который поднимается на уровень анализа, осмысления и прогнозирования будущего всего человечества. Традиционная для жанра травелога описательность снижается, и на первое место ставятся злободневные политические проблемы. Сам автор определяет основную задачу книги следующим образом: «Сегодня наш век как-то особенно падок на любую жестокость. Уж не тяга ли к далекому прошлому - то удовольствие, с которым люди читают гангстерские романы и знакомятся с героями, ухитрившимися упростить свой духовный мир до уровня безмозглых существ? Мне, понятно, вовсе не хотелось бы вернуться к этому уровню, но когда видишь, какие бедствия и какую угрозу роду человеческому породили века усиленной работы мозга, тянет заглянуть в прошлое и установить, где же мы сбились с пути» (с. 172).

Безусловно, книга политична и злободневна, но политика здесь, равно как и в романах Г.Грина, выражается не в борении партий, но в стремлении к справедливос-

ти; перед нами поиски моделей поведения и гармонии среды с человеческим достоинством. По выражению индийской писательницы М.Коуто, «произведение Грина балансирует на грани унаследованного им восприятия и процесса его забывания [unlearning], во время которого он постигает основные принципы человеческой жизни»⁵. Конечно, состояние его разума далеко от *tabula rasa*^{*}, но у него, вооруженного психоаналитическим инструментом, куда больше шансов на успех, чем у других путешественников, заведомо скептически относившихся ко всему увиденному в Африке и воспринимающих ее сугубо как территорию дикарей.

ПУТЬ В АФРИКУ

Отправляясь в трехмесячную поездку в Африку (1934-1935), Г.Грин высадился во Фритауне, столице Сьерра-Леоне, проехал на поезде до Пендембу, пересек границу, оказался в Либерии и прошел до Гранд-Бассы. По признанию автора, он отправился в свое первое крупное путешествие, не имея за плечами никакого опыта, кроме чтения книг исследователей Африки - Д.Ливингстона и М.Парка: «Я ничего не смыслил в путешествиях по Африке. Я собирался пешком пересечь Либерию, но понятия не имел ни о том, как идти, ни о том, что нас ожидает в дороге» (с. 188).

А начинается его путешествие в Англии в Ливерпуле. «Блага цивилизации» в описании Грина выглядят уныло и даже угнетающе: мрачная гостиница, построенная безо всякого эстетического вкуса, «обычная английская бестолковщина», тошнотворных размеров «сдобная булочка». С характерной прямолинейностью Г.Грин подмечает нелепость роскоши английских домов, стремле-

^{*} *Tabula rasa* (лат. «чистая грифельная доска») используется для обозначения тезиса о том, что ресурс знаний отдельного человеческого индивида полностью строится из опыта и чувственных восприятий внешнего мира.

ние казаться лучше, чем есть на самом деле, театральность обстановки. Здесь все неестественно, неправдоподобно и «слишком хорошо, чтобы быть правдой».

Интересно, что такое же отношение автора проявляется и во фрагментах текста, где описываются оазисы английской цивилизации в Африке. Например, о столице Сьерра-Леоне сказано следующее: «*Все, что было уродливо во Фритауне, принадлежало Европе: лавки, церкви, правительственные здания, обе гостиницы. Все, что здесь было красивого, принадлежало Африке: лотки торговцев фруктами, стоявших по вечерам на перекрестках со своим товаром, освященным горящими свечками; черные женщины, шествовавшие в воскресное утро из церкви, покачивая красивыми бедрами, поводя широкими плечами, во всей своей красе... Природа же в своем великолепии не могла скрасить безобразия Фритауна*» (с. 182).

Фритаун соединяет в себе пышное великолепие природы и уродства цивилизации. Получившие образование и приехавшие сюда английские чиновники понимают, «*что их надули, что им досталось на долю худшее из наследия обоих миров*» (с. 183). Несмотря на свое, казалось бы, выгодное положение официальных лиц, они не чувствуют себя здесь властителями. Они, скорее, существуют в собственном обособленном мирке, в подобии Англии внутри Африки. В генерал-губернаторском саду разводят помидоры и капусту, некоторые посетители носят военные мундиры. Черные комиссары становятся воплощением самой идеи колонизации: облечение в новую форму без изменения содержания, колонии лишаются национальной идентичности, при этом не получая ничего взамен. Несмотря на все «свободы», провозглашенные цивилизованным миром в начале XX в., к концу первой его трети колониальное общество все еще живет по старым законам.

Для европейцев Африканский континент - это особый мир,

не измеренный рельсами и магистральями, мир без карты. Повествователь признается: «*В стране, где можно путешествовать, только затвердив название следующего города или деревни и повторив его в пути каждому встречному, непредвиденные обстоятельства снова и снова заставляли менять планы*» (с. 187). В отсутствии привычных для цивилизованного человека способов ориентирования на местности приходится прибегать к помощи интуиции - способа человека первобытного. Гвен Бордман, исследователь творчества Г.Грина, отмечает, что именно поэтому Африка как нельзя лучше удовлетворяла целям Грина и способствовала успеху его психоаналитического эксперимента, помогая обнаружить реалии дикой жизни, которые, исчезнув из обихода цивилизованного человека, сделали его другим, заставили «*повзрослеть*»⁶. Компасом автора стала способность настраивать свои мысли созвучно окружающему миру, и это помогло ему лучше вникнуть в суть жизни континента.

Заглавие произведения - «Путешествие без карты» - может быть понято двояко: с одной стороны, в 30-е гг. XX в. действительно не существовало достоверной карты Африки. Так, по ироничному замечанию Грэма Грина, в американском варианте 95% территории было обозначено как «Людоеды». Понятно, что такая подпись не была точным отражением факта, скорее, здесь проявились неумение и нежелание цивилизованных людей признаваться в собственном невежестве: «*Эта карта не допускала пунктирных линий; зато она была такой неточной, что пользоваться ею было бы бесполезно и, пожалуй, даже опасно*» (с. 186).

С другой стороны, заглавие произведения связано с неизведанностью пути самой цивилизации. Куда мы идем? Что будет дальше? И в этом отношении путешествие Грэма Грина по пространству Африканского континента можно уподобить возвраще-

нию в прошлое человечества, к его истокам. По мнению Г.Грина, путь человечества в неизвестность напоминает странствие по дикой Африке без карты в руках. А та карта, которую нам предлагают политики и военные, ничуть не лучше американской карты Африки с надписью «Людоеды» там, где больше нечего написать.

НАШ ЧЕЛОВЕК В АФРИКЕ

Оказавшись в Сенегале, писатель замечает существенную разницу между африканскими колониями, подчиненными Великобритании и Франции, уже в самом способе освоения территорий: *«Британцы просто приехали сюда погостить. Они всего лишь хотят воспользоваться землями Восточной Африки». Напротив, французы привезли с собой прочный монолит культуры, скрепленный католической верой, в то время как «британцы захватили с собой лишь поло, учителей Воскресной школы и священников»⁷.*

По мнению писателя, Западная Африка дала миру относительно богатое литературное наследие, особенно произведения, написанные на французском языке, в то время как «британская Восточная Африка не породила практически ничего».

В Дакаре Грин видит смеющихся сенегальских мужчин в бело-синих одеждах и испытывает «обаяние душевного тепла и сонной красоты, ощущение безмятежной и беззаботной радости» (с. 179). Но было бы несправедливо сказать, что в целом повествователь восторженно относится к первобытной дикости континента, противопоставляя ее пагубному влиянию цивилизации. Ощущение радости быстро сменяется мыслями об эпидемии чумы, о нищете и отчаянии жителей Дакара. Помимо этого беззаботного берега, существует другой Дакар, «город отчаяния и несправедливости», но именно здесь, как отмечает автор, *«на какой-то миг сквозь облик его проглянуло нечто иное, нечто упрямо храни-*

мое здесь испокон веков» (с. 180). Это «нечто» - искренность, смелое проявление эмоций, отсутствие театральности и выспренности. Именно этим первобытное сознание отличается от цивилизованного. Г.Грин нигде не пишет об этом прямо, но эта мысль пронизывает все размышления и впечатления путешественника.

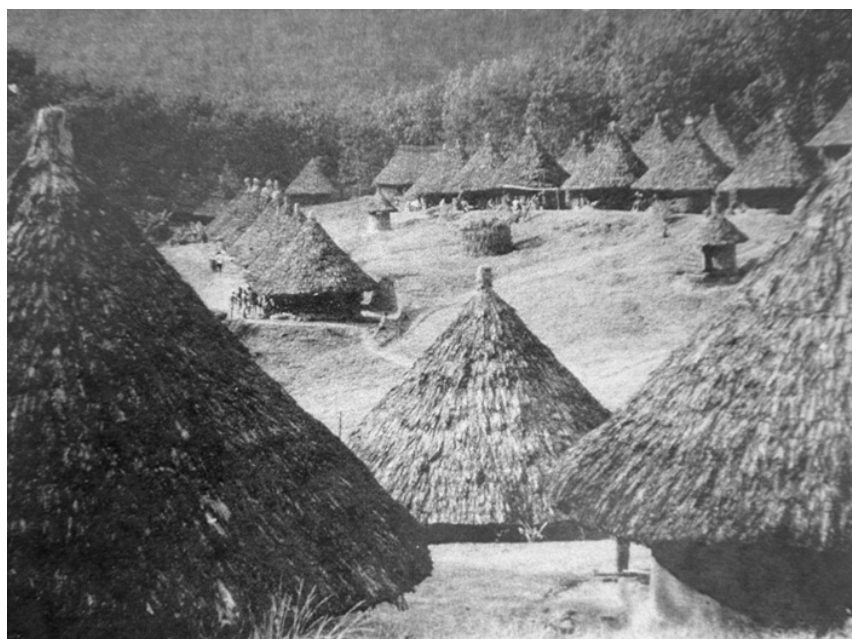
Г.Грин критично относится к африканским креолам, понимая это определение именно так, каким видит его население Западной Африки. Для него креольство связано вовсе не с цветом кожи: речь идет об африканцах, чьи предки определенное время провели на Западе (в Европе или Америке), а затем их дети возвратились на родину, при этом ощущая себя европейцами. В одном из интервью писатель рассказал, что впервые с креолами он столкнулся в Либерии: «Мне совершенно не понравилось, что я увидел. [Этот человек] захватил власть над [бывшими соплеменниками] и вел себя с ними не по-человечески, даже продавал в рабство»⁸. Скорее всего, речь здесь идет именно о полковнике Дэвисе, причастном к либерийскому конфликту в 1931 г.

Было бы неверно говорить, что «господствующая раса» белых совершенно не стремилась изменить варварские обычаи жителей Африки. Колонизаторы не

просто привозили с собой все дорогое сердцу, но пытались привить свои обычаи и уклад жизни местному населению. Отчасти это объяснялось подсознательным стремлением преодолеть проблему «свое-чужое», свойственную любому эмигранту. Разглядывая посетителей бара, рассказчик замечает: «Посетители... постарались перенести сюда английские обычаи, не то, как бы они сохраняли душевное равновесие?» Наконец, повествователь начинает осознавать, что и ему в этой стране нужно что-то «свое», некая точка опоры: «хотя бы две-три знакомые и понятные вещи, пусть даже это будет детективный роман или рюмка коктейля» (с. 192). Отправляясь в Африку в поисках ответа на вопрос об ошибочности пути цивилизации, он, тем не менее, лишен максимализма и не отрекается от своих цивилизованных привычек.

Особым образом освещается в травелоге проблема власти в Либерии. Африканскую аристократию Г.Грин называет «потертой». Вожди местных племен, подражая своим белым братьям, учатся копить шиллинги и пенсы: они «одаривают» всякого гостя продуктами и в ответ ожидают дру-

Деревня в сердце Либерии.

жескую плату, превышающую подлинную стоимость товара. В колониальных городках царит взяточничество и кумовство. «Если люди и отдают предпочтение одному, а не другому президенту, так это просто потому, что им лучше жилось при одном комиссаре, чем при другом» (с. 202). В этом простые люди Африки удивительным образом напоминают своих цивилизованных современников из Европы, но такими они были не всегда: «Если уж кого-нибудь осуждать, надо винить штаб, главный штаб империи - страну, которая не дала им ничего, кроме жажды благопристойности и чувства чести, очень быстро увядающего в этой жаре» (с. 184). Власть белых не просто изменила внешний вид аборигенов, но лишила их чего-то более важного: «Разве можно сравнить "непросвещенных" негров из племени бузи, шагавших с гордой осанкой в своих длинных балахонах по узким лесным тропам... с англазированными "просвещенными" черными из Сьерра-Леоне, в военной форме, полосатых рубашках и грязных тропических шлемах!» (с. 202).

Одной из главных задач европейцев было «просвещение» населения колоний и искоренение религиозного невежества. Однако Г.Грин скептически относится к усилиям проповедников, «наивно упрощающих пожертвовать несколько шиллингов на новый покров для алтаря или серебряную дароносицу». По его мнению, усилия миссионеров тщетны, если они направлены лишь на внешнее, формальное проявление религиозности. Он пишет: «Мне не верилось, чтобы они причиняли так уж много вреда тайным Обществам аллигаторов и леопардов или могли растлить тех, кто тайком приносит детей в жертву огромному питону» (с. 203). Вместе с тем, ему становится совершенно понятно, почему проповедники уделяют гораздо больше внимания внешним вопросам - гигиене и питанию населения, чем вопросам духовности: на первое место выходят физиче-

ские потребности, ибо прежде чем собрать пожертвования, необходимо, чтобы население было трудоспособно и обладало каким-либо имуществом.

Гвен Бордман отмечает, что состояние христианства в Африке напомнило Г.Грину о дегенерации христианства в Европе. Как и в Европе, в Либерии роль церкви сузилась до «распределения социальных милостей» и свелась к «вопросам политической и финансовой целесообразности»⁹. Более того, сами африканцы относятся к проповедям миссионеров неоднозначно: так, черное правительство не доверяет миссиям, уполномоченный по делам магометан ненавидит христиан, а коренные жители продолжают практиковать язычество, плохо маскируя его под номинальное христианство.

Г.Грин приходит к выводу: вмешавшись в быт колоний, цивилизация не только потерпела крах в своем стремлении «просветить африканцев», но и лишила их того, что у них было прежде. Отношение автора к этой проблеме емко высказано в одной фразе: «Берег - самое опасное место в Либерии для путешественников, потому что его обитателей коснулась цивилизация, научив их воровать, лгать и убивать» (с. 238).

ДРЯХЛЫЙ МИР

В своем травелоге Грэм Грин затрагивает судьбу не только африканских аборигенов, но и самих британских колонизаторов, приходя к выводу, что первые растеряли немалую часть своего наследия, вторые же не смогли привезти этого наследия с собой и вынуждены довольствоваться симбиозом реалий первобытного и цивилизованного уклада жизни.

Мир Африки Г.Грин сравнивает с детством, которому присущи свои тайны, загадки и легенды. «Взрослые» цивилизованные люди терпят крах в стремлении сиюминутно сделать из «ребенка» зрелого опытного человека.

Парадоксально, но именно цивилизацию, история которой моложе африканской, Г.Грин называет «дряхлой»: «Ну, вот я и вернулся, а вернее сказать, приблизился опять к дряхлому миру, из которого было ушел. Мое путешествие, если оно ничего другого мне и не дало, то, во всяком случае, еще больше разочаровало в том, во что человек превратил первобытный мир, что он сделал со своим детством» (с. 239). Люди ничего не выиграли, заменив жестокость мистическую, потустороннюю, сверхъестественную, жестокостью повседневной. Именно цивилизация лишила человека любви к жизни в истинном смысле этого понятия, но выхода из создавшейся ситуации нет. Нельзя повернуть время вспять, и бывшее безвозвратно утеряно.

Вместе с тем, Г.Грин понимает, что каждому дается свое: «Я в конце концов дома, в том смысле, в каком у нас это принято понимать, и скоро я забуду, что такое более тонкое вкусовое восприятие, более острое удовольствие, более глубокое чувство страха, хотя мы и могли бы сохранить их на всю нашу жизнь» (с. 240). Видимо, в первую очередь именно стремление «вспомнить» снова и снова звало его в Африку.

¹ Sheldon M. Graham Greene: The Enemy Within. Random House, NY, 1994, p. 159.

² Грин Г. Путешествие без карты. Серия «Мой 20 век». М., Вагриус, 2007.

³ Kunkel Francis L. The Labyrinthine Ways of Graham Greene. Sheed & Ward, NY, 1959, p. 10.

⁴ Couto M. Graham Greene: On the Frontier. Politics and Religion in the Novels. St. Martin's Press, N.Y., 1988, p. 218.

⁵ Ibid., p. 118.

⁶ См.: Boardman Gwenn R.. Graham Greene: The Aesthetics of Exploration. University of Florida Press, Gainesville, 1971, p. 19.

⁷ Graham Greene: Man of Paradox. Ed. by A.F.Cassis. Loyola University Press, Chicago, 1994, p. 164.

⁸ Couto M. Op. cit., p. 219.

⁹ Boardman Gwenn R. Op. cit., p. 16.